

АЛЕКСАНДР ЛАГУНОВ

БЛАЖЕН ОЗЛОБЛЕННЫЙ ПОЭТ!

(Н. А. Некрасов в лирике Я. П.
Полонского)

«Я глубоко сочувствовал Некрасову и не мог ему не сочувствовать. Рабство или крепостное право, дичь наверху, невежество и мрак внизу—вот были предметы его отрицания». Так писал после смерти великого поэта один из его современников, поэт, прозаик и драматург Я. Полонский. Оценка Некрасова некрасовской «музы мести и печали» в 60—70-е годы, в период острой общественно-политической и литературной борьбы, имела принципиальное значение. В конечном счете она определяла отношение к революционно-демократическому знамени. Жгучие забросы жизни действительной, с беспощадной остротой поднятые поэзией Некрасова, явились одной из составных частей той «злой современности», пленником которой ощущал себя Полонский. Творчество Некрасова становится в 60—70-е годы его своеобразной лирической темой. И сильные, и слабые стороны мировоззрения Полонского на протяжении более чем двух десятилетий рельефно отразились в его отношении к литературной и общественной деятельности поэта-демократа.

Первое стихотворение, в котором скрыто звучит полемика с Некрасовым, появилось в самом начале 60-х годов. Это, пожалуй, самое драматическое время в биографии Полонского. С одной стороны, ряд тяжелых утрат и неудач в личной жизни—смерть горячо любимой жены, затем сына, тяжелое увечье, оставившее его на всю жизнь калекой, с другой—неудача с редактированием «Русского слова», которую поэт тяжело переживал. В это же самое время он оказался в центре ожесточенной борьбы между радикально-демократической и «чистой» поэзией. Его стихотворение

«Для немногих», опубликованное в 1860 году в «Русском слове», было понято левыми критиками и поэтами (Писарев, Минаев, В. Курочкин) как декларация «искусства для искусства», и не без оснований.

Вместе с тем необходимо признать, что содержание его намного шире, чем только утверждение правомерности «чистой» поэзии. Больше того, основная мысль произведения, на наш взгляд, заключается не в утверждении исключительного права на отказ от современности и уход в мир «чистой» красоты; здесь выражена одна из его гражданственных тревог — безотрадная жалоба на неприязненность своей «незлобивой» поэзии. «Поэт для немногих» —этой формулой Полонский выражает отношение современников к своей поэзии в «скептический и тревожный век» и совсем не склонен провозглашать себя певцом «избранных», «парнасцем».

Мне не дал бог бича сатиры:
Моя душевная гроза
Едва слышна в аккордах лиры—
Едва видна моя слеза...
...Вещих слов
Моих не слушают народы.
В моей душе проклятий нет.

Поэтому и некому внимать его песням, поэтому и ощущает себя поэт одиноким, непризнанным, «поэтом для немногих». Его положительные идеалы далеки от социальной программы революционеров 60-х годов, видевших главную цель в отрицании и ниспровержении существующих порядков, а не в проповеди любви — единственного условия всеобщего счастья в будущем, как делает это Полонский в заключительных строках этого стихотворения:

Я, как поэт, ей (т. е. любви) жадно
внемлю,
Как гражданин, сердцам в ответ
Слова любви свожу на землю —
Но — для немногих я поэт.

Важную роль в этих сомнениях и тревогах играло то обстоятельство, что в лирическом даровании поэта отсутствовало сатирическое и полемическое начало, которое так свойственно было поэтам некрасовской школы. Без него действительно трудно было найти путь к сердцам передовой молодежи эпохи 60-х годов. В конце 1859 года Полонский, отлично сознавая это, писал М. Н. Логнинову: «Я мало написал — и мало пишу...—талант мой нежен и зыбок — кругом меня атмосфера слишком холодна—впереди мрак—и мне тяжело писать...» В этих словах — ключ к правильной оценке стихотворения «Для немногих». Именно так понимали его и некоторые современники, близко знавшие поэта и его творчество. Так, Е. А. Штакеншнейдер записывает в своем дневнике 28 февраля 1860 года: «Мне не дал бог бича сатиры» — читал недавно Полонский в зале университета... Зачем ему этот бич? Бьющих, кажется, скоро будет больше, чем битых».

И тем не менее в стихотворении есть место, которое заставляет оценивать его как декларативное заявление о правомерности поэзии «объективной», «личной» в противовес «тенденциозной»:

Подслушав ропот Немезиды,
Как божеству я верю ей;
Не мне, а ей карать обиды.
Грехи народов и судей.
Меня глубоко возмущает
Все, чем гордится грязный
свет...

Но к музам грязь не прилипает,
И — для немногих я поэт.

Это единственная из многочисленных поэтических деклараций Полонского, в которой, хотя и не с такой определенностью, как в стихах Фета и Майкова, ощущается связь его с теорией «чистого искусства». В дальнейшем эта связь совершенно и навсегда обрывается. Недаром это стихотворение вплоть до нашего времени оставалось в журнальной публикации — сам поэт не переиздавал его и не включал

ни в сборники, ни даже в «Полное собрание сочинений».

К этому же периоду относится и другое стихотворение «некрасовской» темы — «Поэ-ту-гражданину». В нем Полонский также противопоставляет свою поэзию «ропщущей музе» Некрасова. Но не с позиции отрешенного от жизни «чистого искусства», как это утверждается нередко исследователями творчества Некрасова, а с позиции человека, имеющего свой взгляд на мир, свое понимание искусства и жизни, не совпадающее во многом с жизненной и эстетической позицией Некрасова. Различие во взглядах опять-таки сводится к диаметрально противоположному пониманию путей к «правде»:

Оставь напрасные воззванья!
Не хныкай! Голос твой пусть
льется из

груди.

Как льется музыка, — в цветы
ряди

страдания,

Любовью—к правде нас веди!
Нет правды без любви к
природе,

Любви к природе нет без чувства
красоты,

К Познанию нет пути нам без пути
к

свободе,

Труда—без творческой мечты...

После 1864 года Полонский начинает выходить из духовного кризиса, порожденного семейной катастрофой, неудачами и срывами в литературной и общественной жизни (особенно крах редакторской деятельности в «Русском слове», имевший своим следствием участившиеся нападки на него новых сотрудников этого журнала—Писарева и Минаева).

Он снова активно сотрудничает в «Современнике», все чаще обращаясь в своих стихотворениях к «злобе дня», по-

своему осмысливая волнующие его факты и явления современной жизни. Появляются новые мотивы и в оценке творческой деятельности Некрасова. Стихотворение «О Н. А. Некрасове» было написано, очевидно, в конце 60-х годов, когда поэту не могли «простить» его оды М. Н. Муравьеву.

Великий поэт, тяжело переживавший необоснованные обвинения друзей в «измене» и злорадные насмешки врагов, писал в одном из «покаянных» стихотворений 1867 года:

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?

Полонский отвергает обвинения «молвы» в неискренности поэта, измене его своим идеалам и рисует обаятельный облик поэта-гражданина, вся жизнь которого отдана на то, чтобы своим творчеством «учить гражданству» целое поколение.

Перед дверями гроба он
Был бодр, невозмутим, — был
тем, чем
сотворен;
С своим поникнувшим челом
Над рифмой—он глядел
бойцом, а не
рабом,
И верил я ему тогда,
Как вещему певцу страданий и
труда.

Как уже было сказано, Полонского в 60-е годы очень волновал вопрос о действенности поэзии, о характере и степени влияния ее на современников. Он сочувствует социально-острой гражданской поэзии Некрасова, даже склонен считать себя в известном смысле последователем великого поэта. Не соглашаясь с критиком «Санкт-Петербургских ведомостей», обвинявшим современную поэзию в «неопре-

деленности» и «туманности» ее отношения к обществу, он писал в одной из неопубликованных статей: «Что же касается до недовольства обществом, нам современным, им проникнуто наибольшее число стихотворений — начинаю с того, что все почти стихотворения Некрасова им проникнуты—хоть мне бы и не хотелось указывать в этом случае на свои стихи, но, скрепя сердце, я и это делаю». Прочитав несколько своих стихов, он замечает, что они звучат «едва ли... не намеком на ненормальность общественных отношений».

Но вопрос о том, какой из «двух поэтических типов» — «озлобленный» или «незлобивый» поэт оказывает большее влияние на ход общественного развития и кому из них в большей степени сочувствует общество, продолжает волновать поэта. Результатом этих раздумий и явилось стихотворение «Блажен озлобленный поэт» — своеобразная парафраза на некрасовское «Блажен незлобивый поэт!». В первоначальной, не опубликованной при жизни поэта редакции оно состояло из двух частей, в которых противопоставлялись «озлобленная» и «незлобивая» поэзия. Тургенев и Стасюлевич, которым послал Полонский свое стихотворение, увидели в одном из двух «поэтических типов» Некрасова. Полонский отвечал на это в письме Стасюлевичу: «Когда я писал стихи мои, я имел в виду вовсе не Некрасова, а Истину,— ту истину, которой не угадал Некрасов, когда писал стихи свои Блажен незлобивый поэт.

Факт тот — что в XIX веке — европейское общество сочувствует не незлобивым, а озлобленным — и стихи мои ничто иное, как поэтическая формула, выражающая этот факт. — Почему это так?

Какая причина, что чем глубже, смелее и всестороннее отрицание — тем более в нас восторженного сочувствия, — и почему положительные истины, как бы крупны и блестящи они ни были,

Восторгом сладостным наш ум не

шевелют?..

Это решать уже не мое дело—это дело критики (если таковая имеется). — Я сам наполовину сочувствую отрицателям, сам не могу освободиться от их влияния — и нахожу, что—в том есть своя великая, законная причина — обуславливающая наше развитие».

В печати стихотворение «Блажен озлобленный поэт» явилось без второй части и со значительными изменениями в первой, а результате чего прозвучало не противопоставлением «поэтических типов», а истинным гимном гражданской, революционной поэзии, гимном «озлобленному» поэту. Он хотя и страдает вместе со всеми «под ярмом противоречий очевидных», является единственным подлинным выразителем и носителем идей, чувств и стремлений своего поколения:

Он как титан колеблет тьму.
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он — уму,
И от богов не ждет ответа...
Невольный крик его — наш крик
Его пороки наши, наши!
Он с нами пьет из общей чаши
Как мы отравлен - и велик.

Сравнивая два варианта этого стихотворения, можно заметить, что в свою оценку «озлобленного» поэта Полонский внес такие черты, которые он раньше считал принадлежностью «незлюбивой» поэзии. Так, первоначально о «незлюбивом» поэте было сказано, что он «света ждет от разума, а не от злобы». Во втором варианте, в котором симпатии автора отданы «озлобленному» поэту, эта черта—вера в светлые начала ума переносится на него. И здесь гражданская поэзия, а вместе с ней и творчество Некрасова, оценивается Полонским в соответствии с направлением его просветительских взглядов, уже достаточно упрочившихся к этому времени. Наиболее полно они отразились в последнем стихотворении, посвященном Некрасову. Оно было помещено в редактируемом Полонским журнале

«Пчела» после смерти поэта, под снимком с фотографии Некрасова в гробу:

Поэт и гражданин, он призван
был учить,
В лохмотьях нищеты живую
душу видеть,
Самоотверженно страдающих
любить
И равнодушных ненавидеть.

Великую заслугу поэта перед обществом Полонский видит в том, что он учил не только ненавидеть «равнодушных» к судьбам народа, но и самоотверженно любить «страдающих», т. е. народ.

Для того времени это была очень высокая и объективная оценка творчества и личности Некрасова, подтверждающая справедливый вывод исследователя Некрасова В. Евгеньева-Максимова о том, что «Полонский сумел... выработать на поэзию Некрасова вполне самостоятельный и глубоко объективный взгляд, которого держался неуклонно и которому не изменял даже тогда, когда легко было изменить, поддавшись личному чувству».